

18+

ЕЛЕНА КОЛМАКОВА

КАК
АВАРИЯ
ПРЕВРАТИЛАСЬ
В САМУЮ
ПРИБЫЛЬНУЮ
СДЕЛКУ
с собой

Елена Колмакова

**Как авария превратилась в самую
прибыльную сделку с собой**

«Издательские решения»

Колмакова Е.

Как авария превратилась в самую прибыльную сделку с собой /
Е. Колмакова — «Издательские решения»,

Это не очередная книга про успех «с нуля до миллиона». Это история падения и сборки, где физическая травма стала метафорой и триггером тотальной трансформации всей жизни. Сочетание откровенности личного дневника с практическими выводами для бизнеса и саморазвития.

Содержание

Как авария превратилась в самую прибыльную сделку с собой	6
Для кого эта книга	7
Начало	9
Кто такая Лена Колмакова	11
Авария	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Как авария превратилась в самую прибыльную сделку с собой

Елена Колмакова

Редактор Антонина Зарубина

© Елена Колмакова, 2026

ISBN 978-5-0071-1837-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как авария превратилась в самую прибыльную сделку с собой

Посвящается себе

Для кого эта книга

Меня часто спрашивают: как ты стала бизнес-ангелом? И я обычно честно рассказываю свою историю. Рассказываю и понимаю, что ответ мой не всегда уместен, слишком откровенен и неловко правдив.

Поэтому я решила написать книгу.

Эта книга — для сильных людей и неубиваемых оптимистов. Помните: вы не одиноки.

Эта книга — для нытиков. Вы просто не знаете, насколько прекрасна ваша реальность. Даже если вы так не думаете.

Это не очередная история успеха «с нуля до миллиона». Это история падения и сборки, где физическая травма стала метафорой и триггером тотальной трансформации всей жизни. Сочетание откровенности личного дневника с практическими выводами для бизнеса и жизни.

Если с вами случилось что-то очень плохое, это очень хорошо. Ведь крылья не растут из спины — они вырастают из осколков.

Начало

Я осторожно перевела дыхание, но открыть глаза не решилась. Мир вокруг остановился. Лежала на спине, раскинув руки. Боли не было. Был страх и понимание непоправимости, необратимости момента.

В голове начали возникать голоса. Мыслей не было. Голоса шептали: «Это конец. Мне страшно. Что случилось? А я вообще где? А я живая или уже нет?». Непонятно. На поверхность сознания четко пробился еще один голос: «Не выключайся! Если сейчас выключишься — это конец».

Надо было что-то делать. Аккуратно вздохнула — могу дышать.

Сглотнула и провела языком по пересохшим губам, ощутила кровь. Было ощущение разбитого лица. «Пожалуйста, только не лицо», — появилась первая мысль. Вслед за ней: «Пожалуйста, только не зубы! Ужасно боюсь стоматологов».

Пошевелила пальцами рук. Так, руки, кажется, целы. Но лежат, слабые как веревки, и нет сил ими двигать. Живот — дышит, хорошо. Ноги... ноги. Ощущение боли пришло скорее на уровне понимания. Что-то не так было с ногами. Что-то сильно не так.

Нет, глаза открывать не буду. Нельзя смотреть. Не хочу открывать глаза. Не буду. Голос в голове: не выключаемся! Нельзя. Вырубишься — всё.

«Дайте воды! Воды. Пить. И вызовите скорую. Быстро».
Это звучит мой голос, как будто спокойный.

Вызовите скорую!
Вызовите скорую быстрее!
И дайте воды.

Где-то в параллельном мире голос мужа. По его интонации стало понятно, что ситуация на грани.

— Только не смотри, милая, только не открывай глаза.

Подтягивались люди. По восклицаниями и репликам было очевидно, что они увидели нечто страшное.

Все звонили в скорую.
Кто-то дал воды.
Кто-то забрал воду, сказав, что мне нельзя сейчас пить.

Где же скорая? У них же тут точно должна быть скорая. Кажется, я никогда так не ждала звука сирены скорой помощи. А когда дождалась, голоса в голове замолкли, голоса снаружи растворились, и все мысли ушли.

Внезапно открыла глаза. Сразу поняла: я в скорой. Мы движемся — пронзила боль. И страх.

На меня смотрел молодой медбрат-балиец:

— Do not close your eyes! Do not close your eyes! Please, look at me, look at me, don't close your eyes!!

— What's your name?

— Elena.

— I'm Wayan.

Приехали быстро. Страх и боль нарастали. Кажется, страха было больше.

Очнулась в белом помещении. Всё белое, чистое. Со мной разговаривают. Попросили разрешения срезать одежду. Извинились за это.

Опять очнулась. Да что им всем надо. Оставьте меня уже в покое.

— Да, я знаю, кто я.

— Да, знаю, где я.

— Что случилось? Мы ехали на мопеде, упали, потом не помню.

— Нет, я не употребляла алкоголь, ничего не употребляла. Нет, наркотики тоже не употребляла. И не курю.

— Нет, аллергии нет.

— Да ничем я не болею, отпустите меня уже, и я пойду... пойду?..

Липкий страх прорвался наружу. Мои ноги! Что с ними?

Меня наконец оставили в покое — висеть в белом пространстве то ли больничной палаты, то ли собственного воображения. Ни тут ни там. Ни сон ни явь. Тишина. И кремешная белота вокруг. Тотальный белый.

Так прошло 12 часов.

Кто такая Лена Колмакова

Я родилась в подмосковной Коломне. Это 113 километров от Москвы или 2 часа 20 минут на электричке. В три месяца я начала свои авиаперелеты и обожаю их до сих пор. Поскольку я родилась в семье военных, то путешествовала достаточно много. В первый класс пошла в Коломне, а уже со второго класса — в многонациональную школу в Средней Азии в Ашхабаде.

В классе было больше 35 человек из всех союзных государств. Были ребята из Украины, Белоруссии, Киргизии, Таджикистана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Грузии, Якутии. В общем, если назвать все страны Советского Союза — все ребята у нас учились. Преподаватели говорили с нами по-русски, а на переменах и вне занятий мы общались на густой смеси разных языков и диалектов.

Никаких проблем и распрей у нас не было, мы были классной, здоровой нацией, в которой разборки происходили только по поводу «за меня дрались мальчики», «дай списать». Я была отличницей, сидела на последней парте, с мальчиками дружила в доску, и легко давала списывать, потому что мне не жалко, а кому-то полезно.

И все было бы хорошо, но все мы помним, чем закончился Советский Союз. В 90-е, когда начались первые тревожные звонки и начала раскачиваться политическая ситуация, родители отправили меня обратно в Коломну.

В восьмом классе я была достаточно умной девочкой, которая умела аргументированно объяснить свои «хотелки». Мне просто хотелось вернуться в Москву, потому что уже в подростковом возрасте я учуяла, откуда идут тренды: музыка, одежда, книги, карьерные возможности, популярность. Я сказала родителям: какое будущее меня здесь, в Ашхабаде, ждёт? Хотите чтобы я замуж в 13 лет отправилась? Ну вот и я не хочу. А как же университет, а как же московские вузы? И меня благополучно отправили к бабушке.

Итак, Лена-подросток приехала в Коломну. И оказалось, что все мои бывшие ухажеры, вот эти мальчики, в первом классе таскавшие мой портфель, выросли и превратились в хулиганов, стоящих на учёте в милиции. Но проблем с коммуникацией у меня не было, я держалась спокойно, свободно и уверенно. Возможно, еще и поэтому самый гадкий и дерзкий парень подошёл, посмотрел мне в глаза и сказал: «Привет, я тебя помню».

Я пожала плечами и ответила: «Ну хорошо». После этого романтического диалога тот парень любезно сообщил, что оторвет башку всем, кто меня тронет. А меня никто и не трогал. Я хотела просто весело проводить время. Почти сразу же по приезде я попала в плохую компанию, где ребята были старше меня, где, закупался дешёвый алкоголь, которым наводнился весь рынок. Просто какое-то адское пойло, это даже водкой нельзя было назвать. Ни у кого особо не было денег, все покупали какую-то дрянь, напивались, тискались, обжимались — в лучшем случае у кого-то дома, пока родители на работе. Но в подъездах было веселей, потому что там пели, ржали и рисовали на стенах. Надписи на стенах и в лифте красноречиво свидетельствовали о моей популярности на семь этажей вниз.

Меня спасало то, что я всегда умела говорить «нет». В любой ситуации. Например, когда ты заходишь в туалет пописать, а девочки тебе говорят: «Так, иди сюда и кури с нами».

— Я не курю.

— Не *выпендривайся*, будешь.

— Нет, не буду, я не курю. Сказала же, я не курю.

Вот и все. Никакого мата-перемата, но все-таки советские дети общались немножко по-другому. Умение отстаивать свои границы и говорить «нет» было естественным. И эта твердость останавливала даже очень борзых ребят.

А еще у меня никогда не было проблем с алкоголем. Я уже тогда предпочитала качество количеству, и мой будущий муж мог потратить на бутылку шампанского «Asti Mondoro» всю свою зарплату только потому что «Лена пьет такое».

И это не про то, что я выпендривалась, абсолютно нет. Просто я всегда знала, что если я не хочу делать, то я не буду делать. Моё «нет» значит «нет» и ничего кроме.

В Коломне я познакомилась со своим будущим мужем. Это была та самая трепетная юношеская любовь, тот самый первый брак, как говорит моя подруга, «первый муж — молочный».

10 октября 1998 года — день нашей свадьбы и день рождения моего мужа. Времена были непростые, курс доллара скакал как бешеные кони. Товары, стоившие одну стоимость, через день имели новые ценники, в двадцать раз дороже. За один день на Московской межбанковской валютной бирже курс вырос с 2833 до 3926 рублей за доллар. Но это страна и мировая экономика терпели бедствие, а не мы. Мы были абсолютно счастливы.

Через год мы развелись. Но этот человек продолжает поддерживать меня всю мою жизнь, даже сейчас. Нам удалось сохранить теплые, дружеские отношения. Он всегда знал где я, с кем я живу и строю отношения. Всегда говорил: «Я не против, что у тебя есть личная жизнь, но ты же знаешь, что я всегда должен за тобой присматривать».

В начале нашего супружества все было очень весело. Я ни о чём не думала, я просто жила. Готовилась поступать на иняз. Факультет выбирала методом исключения: математика — не моё, история — скучная, психология меня не интересует. Пойду на иняз, он как-то выделялся среди остальных дисциплин перспективностью, что ли.

Итак, я готовилась к поступлению, ходила на курсы, слушала музыку и смотрела фильмы на английском языке — тогда появились первые плееры и видеокассеты. Но однажды приехал мой папа, военный, и сказал: «Дочь, у тебя завтра вступительные экзамены в военно-юридический университет в Лефортово».

Дочь пожала плечами и поехала покорять Москву. От меня требовалось просто-напросто не завалить экзамены, сдать все на уверенные тройки. Что ж, погнали. И вот стою я в толпе абитуриентов перед кабинетом, где идет экзамен, слушаю разговорчики и остро чувствую свою инородность. Большинство занимались языком в лондонских школах, у кого-то были репетиторы, то есть там были все-таки достаточно подготовленные ребята, еще и пафосные. И тут приехала такая Лена: «Здрасте, я поступать».

Английский сдала на 5, физкультуру на 5, что-то там еще на 4, но полностью завалила финальный предмет — право. Его у меня даже в школьной программе не было. Уверенно и справедливо не поступила, пересмотрю моя оценка не подлежит, шансов стать студенткой юридического факультета — ноль.

Запомнила очень интересный и показательный момент из того дня. Спускаюсь в холл универа дожидаться папу и вижу, как стоит там какой-то грозный генерал в погонах, а перед ним, склонив повинную голову, плачет девочка, размазывает слезы по милому личику. Папа-генерал громко и жестко ее отчитывал, называл бестолочью и предрекал ей карьеру поломойки. Она тоже не сдала право. Подхожу я к своему военному папе, гляжу ему в глаза и говорю: «У меня как у нее». Мой папа просто взял меня за руку и сказал: «Ну и ладно, пойдем отсюда».

В тот момент я испытала такое торжество, такую легкость и такую гордость за себя и отца, будто большая сильная птица взяла меня под свое крыло и укрыла от всех невзгод. Папа крепче перехватил мою ладошку и мы пошли домой.

Папа всегда рядом

Я вернулась в Коломну, прискакала в университет, куда и планировала подавать документы и выяснила, что вступительные экзамены уже прошли. Но поскольку я оказалась на хорошем счету, мне порекомендовали московский вуз, Российскую Академию образования (РАО), где экзамены были чуть позже, и преподавательский состав знал, как хорошо готовят в коломенском педагогическом универе.

Мне дали координаты и контакты, я пришла, меня встретил седовласый дядечка в приемной комиссии, и спросил: «Что вы хотите?». Я объяснила ситуацию, он ухмыльнулся в усы и сказал: «А готовы сдавать экзамены?».

— Да. Когда?

— Сейчас.

— Да, готова.

И сдала. Меня зачислили сразу на второй курс. Уже не помню подробностей, но там была такая история, что можно было либо просто поступить на второй курс через полгода, либо позволить себе провести этот год в свое удовольствие и прийти на второй курс, что я в общем-то и сделала.

Высвободившийся год я посвятила поездкам в Москву. Пробовала всякие работы, продавала тайм-шеры, совалась куда-то еще. Тогда появлялось много разных, обыденных теперь профессий, вроде хостес, администраторов и прочих менеджеров. И таким образом я внезапно оказалась в самом необычном для себя месте — в школе крупье.

Это была та еще школа жизни, это была жуть жестокая. Примерно 100—120 человек на потоке учились, а на выходе всего 3—4 кандидата могли претендовать на трудоустройство. Нас специально, как я потом поняла, прессовали, с нами грубо обращались, нас гоняли в хвост и в гриву. Но те, кто прошёл эти круги ада, получали высокооплачиваемую работу. Как крупье казино в 19 лет я получала больше, чем инженер или военный взрослый. Вот такие были времена. В моей трудовой книжке записана, прямо на титульном листе, первая официальная профессия — крупье казино.

Год я отработала в первом открывшемся казино в Коломне, «Гранд», и оттуда ушла в декретный отпуск. На восьмом месяце открыла больничный лист, как полагается. Но о своем положении я узнала не так, как полагается, а на пятом месяце срока. Вы спросите меня, как так вышло? А вот так, мы просто жили, мы жили очень просто.

Если вы сегодня спросите, кто же такая Елена Колмакова, мне будет сложно ответить. Наверное, всё та же девчонка: лёгкая, коммуникабельная, с упрямством внутри и уверенностью, что всё зависит только от нас — всё решается в нашей голове и, главное, что всё обязательно будет хорошо. Эта книга как раз для того, чтобы вы вбили себе в голову: всё зависит от вас. Конечно, помощь есть, её нужно научиться просить и уметь принимать. Но пока в вас не проснётся та великая, сжигающая дотла энергия — энергия уверенности в себе — вряд ли что-то получится.

Что еще сделало меня мной? Мысленно возвращаюсь в школьные годы, в ту самую мультинациональную школу в Ашхабаде. Обучение велось на русском, но в последний год, когда Советский Союз уже раскачивали, нам однажды заявили: «А теперь будете учить туркменский».

Дети сразу разделились. Кто-то из русских возмущался: «Не буду учить! Завтра уеду в другую страну, что, и там язык учить?». У меня же не было ни капли сопротивления. Ну, ещё один язык — классно же. И это, как я сейчас понимаю, про умение быстро адаптироваться. Логично же: если живешь в стране с другой культурой и языком, почему бы его не выучить?

Окажись я сейчас в Турции — учила бы турецкий. В Португалии — португальский. Для меня это вопрос простого уважения к местной культуре. И адаптации.

Кстати, в той советской школе был прекрасный пример сочетания формальностей и культурного кода. Школьная форма у девочек была не коричневой, как в Москве, а красивого голубого цвета, почти того самого цвета «тиффани» — платьица с короткими рукавами из-за климата. И нам, русским девчонкам, никто не запрещал эти платья укорачивать. Я подрезала подол — у меня всегда было мини. А девочки из местных семей ходили в таких же платьях, но в пол. И ни у кого это не вызывало ни вопросов, ни раздражения. Всё было так естественно.

Вот эта мультинациональная, мультиязычная среда, наверное, тоже на меня повлияла. Раньше я об этом не задумывалась, но это был уникальный опыт. Особенно сейчас, когда я много путешествую по работе: Лондон, Париж, Амстердам, Сингапур, Турция, Израиль, Мальта, Джакарта... Та глобализация, которую все сейчас чувствуют, для меня не была новинкой. Она была со мной с детства. И мне всегда хотелось чего-то большего.

Это как раз объясняет, почему пять часов в дороге были для меня естественными, почему я не осталась в своем Подмоскovie. Мне всегда хотелось нового и большего, масштабного.

Но кто много хочет, тот много и огребает. Например, та самая невероятная история для девчонки в 23 года, оказавшейся перед страшной проблемой — на грани жизни и смерти своего ребёнка... Когда я ту ситуацию преодолела, разрулила и выправила, то поняла одно: мне больше ничего не страшно в этой жизни. Вообще ничего. Я со всем справлюсь. Это ощущение стало железобетонным фундаментом для той самой меня, которая определилась на всю оставшуюся жизнь.

Через пару лет после операции Никиты, когда ему было около трёх, я наконец вышла из декрета. Счастье, что в нашей стране тогда можно было сидеть дома три года. Договорилась с мамой, она сказала: «Хватит тут киснуть, иди работай, а я с внуком побуду». Спасибо огромное нашим бабушкам и мамам, без них — никуда.

Работать я поехала, конечно, в Москву. Мой день состоял из 2,5 часов пути туда и 2,5 обратно. В сутки на дорогу уходило часов 5—6. Это было нормально. Нормально было в 23 года возвращаться на последней электричке, быть дома в половине третьего ночи или идти пешком в пять утра. У меня никогда не было страха. Мыслей о том, что меня могут похитить, изнасиловать, что-то со мной сделать, — не было. Со мной никогда такого не происходило. Меня не били, не приставали, не крали телефоны. Я будто радужный единорог в этом плане, честное слово. Несмотря на семь лет работы в казино и годы жизни в электричках. Ни-че-го. Да, я была студенткой, коротала ночи в клубах, танцевала, пила коктейли. Но мысли о возможной опасности меня не посещали. Вообще. Я здесь какая-то особая снежинка, это и правда удивительно — как я проскочила через 90-е и 2000-е без серьезных негативных моментов. Видимо, всякая грязь ко мне не липнет.

Семь лет я отработала в казино «Шангри-Ла» на Пушкинской. Начала хостес, быстро перескочила на ресепшен. Это была самая красивая и любимая работа в моей жизни. Огромный коллектив, атмосфера праздника, иностранный менеджмент, который приучил меня к правильным вещам. Если хорошо делаешь свою работу — тебя вознаграждают. Могли дать бонус в 50 баксов просто за красивую причёску, великолепный маникюр или за искреннюю улыбку, которую любят гости. В индустрии гостеприимства такие вещи, которые сейчас пропи-

сывают в KPI, для нас тогда были естественными. Мне нравится, когда отмечают твои заслуги. Каждый год — повышение, рост зарплаты, новый функционал. Это и есть тот самый правильный менеджмент. С профессиональной точки зрения эти семь лет в казино очень много мне дали.

Когда казино по всей России закрыли (закон вышел, не будем его здесь обсуждать), многие говорили: «Казино — зло». Ну как зло? Всё зависит от законности. Мне повезло — я работала в престижном заведении, где всё было «по-белому»: белая зарплата, соблюдение всех HR-законов и постоянное развитие персонала. А еще игорный бизнес отстегивал налогов примерно на 20% размера бюджета города и давал стабильную, высокооплачиваемую работу сотням тысяч человек.

В Питер я попала тоже с этим проектом — переехала открывать новое заведение. И там моя карьера развернулась неожиданно: на первых порах я была за всех. Персональный ассистент, маркетолог, HR, человек, который придумывал униформу для всего персонала — от официантов и барменов до крупье и ресепшн. Когда пришло время определяться, кем же я всё-таки хочу быть, на мое место взяли четырех человек. И они не справлялись с тем объёмом, который делала я. Вот сейчас это проговариваю и понимаю, как полезно иногда вспомнить, чего ты на самом деле стоишь.

В Питере же у меня сложилась личная жизнь. Мой муж был правильным петербуржцем, с тремя образованиями, и он совершенно не понимал тот образ жизни, который я вела. Сначала я работала днём. А потом, когда казино открылось, приехали высокопоставленные американские маркетологи — пилили программы лояльности, тогда в России о таких даже не слышали. Мне предложили позицию Customer Relationship Manager: того, кто взаимодействует с посетителями, следит, чтобы они не проигрывали и не сливали до последнего. Это тот, кто видит всё, что происходит в зале. На тот момент моя зарплата была 170 долларов. А на новой должности предложили 1700. 170 и 1700. Это был 2004—2005 год. Это была абсолютно моя работа, и это стало новой карьерной веткой. Никогда более я не чувствовала себя настолько на своем месте. Увы, очень недолго — из-за того самого закона.

Помню день, когда мы только открылись. И помню день, когда закрылись. Приехал весь топ-менеджмент, а я шла днём по улице растерянная. Не потому что осталась без работы, а потому что воспринимала ситуацию как если бы это был мой бизнес. Было очень жаль всех усилий, которые пошли прахом. В этот момент раздался звонок. Звонил сам генеральный менеджер Даррен, второй человек в компании. Он попросил меня вернуться, чтобы поговорить лично, глаза в глаза. Для меня это было важно и приятно. Я пришла, и он сказал: «Я не знаю, какие у тебя планы, но я точно не могу предложить тебе ничего интересного в Петербурге, но какой-то бизнес в Москве у нас сохранится. Ты с нами семь лет, мы тебя очень ценим, но придется вернуться в Москву».

Решение далось тяжело, но я его приняла. Я сказала, что уйду из компании. Остаюсь в Петербурге, выхожу замуж, мой ребёнок идёт в первый класс — буду строить жизнь здесь.

И тогда Даррен сказал фразу, которую я запомнила навсегда. Она грела меня очень долго и я помню ее дословно: «У тебя есть мой номер. Если ты не позвонишь, я буду очень рад. Это будет означать, что у тебя всё хорошо. Но если позвонишь — я тоже буду очень рад. Потому что это будет означать, что ты возвращаешься в компанию».

Я не позвонила. Я начала строить свою жизнь в Петербурге. И эту жизнь — начавшуюся как временный проект — я жила 20 лет. До мая 2025-го года.

Авария

Конец апреля 2018 года. Прекрасная IT-компания, в которой я работала, разом сократила 50% персонала, в том числе и топ-менеджмент. И я внезапно оказалась совершенно свободной. Мой мужчина обрадовался: «Наконец-то я могу утащить тебя на край света, давай куда-нибудь рванем». Я в первый раз в жизни, как настоящая девочка, не глядя ткнула пальцем в карту — и попала на Бали. Туда мы и поехали.

Я обожаю Азию, но байки — это не моё. Адски их боюсь. Все предыдущие поездки — с сыном, с четырнадцати лет он садился за руль, а я, молясь и матерясь одновременно, держалась за него сзади. «Мам, ты что, мне не доверяешь?» — и я велась. Движение в Азии — это хаос, не подчиняющийся никаким законам, кроме одного: без байка не увидеть самых красивых мест. Но я всегда была пассажиром. И после каждой поездки думала: «Всё, больше никогда».

На Бали мы решили освоить кайтсерфинг

Ой, я очень это все люблю: вода, скорость, полет

Чтобы ежедневно добираться до кайт-станции, нужен был байк. Каждый раз, садясь на него, у меня тряслись поджилки. Мы взяли нормальный, исправный, новый, ездили только в шлемах. Выбирали платную дорогу — там было поспокойней, организованные полосы движения. Для байков — узкая дорожка, метр-полтора шириной. Казалось, самый безопасный вариант.

День аварии был прекрасным. Утром, кажется, покаятсёрфили — я впервые вышла на открытую воду, поймала ветер, неслась с воплями. Потом поехали в туристический район, шопились, гуляли, ели вкусную еду. Вместо алкоголя — свежавыжатые соки, пряные коктейли, мы были в настроении ЗОЖ. Когда возвращались домой, уже стемнело. Весь байк был забит пакетами с покупками. Мы ехали довольные, а у меня внутри копилась усталость от этого вечного страха перед байком. Я всегда в пути читала про себя мантры, а тут подумала: «В жопу мантры. Я устала бояться. Всё, завтра сдадим байк и никуда не поеду, больше никогда на него не сяду».

Место, где все произошло

Мы ехали по широченному мосту, по платной дороге. Дорога новая, а ограждение... С одной стороны — бетонные блоки, отделяющие узкую выделенную полосу от машин. С другой — невысокий заборчик с торчащей арматурой, с метр может быть, а внизу — метров семьдесят до воды и оголенных отливом скал. Каждый раз, проезжая это место, я думала: вот случись что — здесь либо в бетон, либо вниз, на камни.

Всё произошло мгновенно. Кажется, нас обогнали местные, на этой же узкой байк-дорожке. Кажется, они нас зацепили. Или подрезали. Дальше не помню ничего. Просто в один момент поняла, что нахожусь в другой реальности.

Я лежала на асфальте. В шлеме. Сознание было четким, но как сквозь вату. Звуков не было. Вообще. Ничего не болело. Я боялась пошевелиться. Единственная мысль, которая билась: «Не отключайся. Отключишься — всё». Каким-то чувством я понимала, что это моя главная задача в эту минуту. Не отключиться.

Я осторожно пошевелила языком, проверяя, на месте ли губы, зубы, рот. Попросила воды и вызвать «скорую». Слышала голос Юры где-то рядом, слышала, как люди говорят и суетятся. По их репликам стало понятно, что картина шокирующая. Я не открывала глаза. Боялась.

Машина скорой помощи приехала быстро. Потом — провал. Следующее, что помню — лицо врача в машине скорой. Он гладил меня по лицу, убирал волосы, тряс за руку и говорил: «Не закрывай глаза. Только не закрывай глаза. Смотри на меня. Don't sleep». Я отвечала на его вопросы: как меня зовут, где я, понимаю ли, что произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.